

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Anderson, Benedict*. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.
2. Это центральный аргумент моей книги: *Chatterjee, Partha*. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? L., 1986.
3. *Anderson, Benedict*. Imagined Communities. P. 17—49.
4. *Anderson, Benedict*. Imagined Communities. P. 28—40.
5. История этого художественного движения недавно была детально исследована Тапати Гуха-Талкуртом. См.: *Guha-Thakurta, Tapati*. The Making of a New «Indian» Art: Artist, Aesthetics and Nationalism in Bengal, 1850—1920. Cambridge, 1992.
6. См.: *Banerjee, Anilchandra*. Years of Consolidation: 1883—1904; *Chakravarti, Tripurari*. The University and the Government: 1904—1924; *Banerjee, Pramathanath*. Reform and Reorganisation: 1904—1924 // Hundred Years of the University of Calcutta / Ed. Ray, Niharranjan and Gupta, Pratulchandra. Calcutta, 1957. P. 129—178; 179—210; 211—318.
7. *Pal, Bipinchandra*. Memories of My Life and Times. Calcutta, 1932. P. 157—160.
8. В частности, исследованию этой проблемы посвящены многие очерки сборника: *Guha, Ranajit* (ed.). Subaltern Studies. Vols. 1—6. Delhi, 1982—1990. Программное изложение такого подхода см.: *Guha, Ranajit*. On Some Aspects of the Historiography of Colonial India // Subaltern Studies / Ed. Guha, Ranajit. Vols. 1. Delhi, 1982. P. 1—8.

КУДА ИДУТ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»?

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ЧТО ОНИ ТАКОЕ?

В период 80-х и 90-х годов научная индустрия, созданная вокруг понятий нации и национализма, приобрела настолько обширный и междисциплинарный характер, что ей стало впору соперничать со всеми другими предметами современного интеллектуального производства. Я беру понятие «нации» в антропологическом смысле, в качестве основного оператора всеохватывающей системы социальной классификации. Эти системы не просто классифицируют; будучи институционализированы, они также закладывают основы власти и легитимности с помощью задаваемых ими категорий, которым придается одновременно естественный и социально реальный характер. Таким образом, нация — это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации. Это не удивительно, если принять во внимание ее коренное значение — «быть урожденным», — идея, благодаря которой любая система категорий неизбежно будет выглядеть естественной. Однако в прошлом, как нам напоминает, в частности, историк Эрик Хобсбаум, она имела и много других значений: это понятие использовалось применительно к гильдиям, корпорациям, союзам в стенах старинных университетов, феодальным сословиям, массам людей и группам, основанным на явно общей культуре и истории¹. Во всех случаях оно служило инструментом отбора — тем, что сплавливает в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с этими первыми²; вот только критерии, которые использовались при этом отборе, то, во что выливалось или для чего имело значение «быть урожденным» — например, передача ремесленных навыков, аристократические привилегии, гражданская ответственность и культурно-историческая общность, — варьировались в зависимости от времени и контекста.

В современную эпоху нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий

важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения. В качестве символа нация служит легитимации многочисленных социальных движений и действий, часто имеющих очень разные цели. Она действует как символ по двум причинам. Во-первых, как все символы, она неоднозначна. Поэтому люди, которые им по-разному пользуются, могут привлекать на свою сторону в корне различные аудитории (как у себя дома, так и на международной арене), которые будут считать, что понимают под этим одно и то же. Во-вторых, его использование пробуждает чувства и склонности, которые формировались по отношению к нации на протяжении десятилетий так называемого национального строительства.

С этой точки зрения национализм представляет собой политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение. В самой своей сути национализм есть гомогенизирующий, дифференцирующий или классифицирующий дискурс, или приведения к однородности: он адресует свой призыв людям, которых предположительно что-то объединяет друг с другом, противопоставляя их тем людям, которых, опять же предположительно, ничто не связывает между собой. В современных видах национализма такими наиболее важными общими вещами служат определенные формы культуры, традиции и особая история.

Однако современные виды национализма действовали от имени по крайней мере двух основных значений нации как отношения между государствами и их подданными. Эрик Хобсбаум определяет два принципиальных смысла нации в Новое время как отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, и отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общие язык, история или культурная идентичность в более широком понимании³. Последнее отношение наиболее часто связывается с термином «национализм», но это не единственное его значение. Смещение и наложение подобных значений в политике всякий раз заводит в тупик исследователей, если сами они мыслят под нацией и национализмом что-то одно. Мы можем привести ряд дополнительных значений нации, которые проникли в политический дискурс, — это, например, идеал отношений между подданными и государством в условиях государственного социализма, с

акцентом на их как-бы-семейной зависимости, которую я называю *социалистическим патернализмом*⁴. Любые из этих (или иных) значений либо их некая комбинация могут использоваться в рамках определенного применения символа нации, то есть его значение нельзя определить простым допущением.

Эти наблюдения позволяют нам выделить три ловушки, которых из-за всех сил должны избегать (хотя им это зачастую не удавалось) исследователи нации. Во-первых, необходимо понять, какой смысл понятия нации имеет отношение к исследуемому контексту, а не пытаться навязать его современный смысл средневековой реальности, французский смысл кенийской реальности или смысл, принятый в XIX веке, стремительно развивающейся реальности сегодняшних дней. Во-вторых, следует рассматривать нацию как символ, а всякий данный национализм — как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаются застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия. Из этого вытекает, что нам не следует видеть в национализме социальную действующую силу и задаваться вопросом о том, плохой он или хороший, либеральный или радикальный и благоприятствует ли он демократической политике. Вместо этого мы должны спрашивать: каков тот глобальный, социальный и институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над этим символом и его значениями? Какие программы у этих различных групп? Радикальные? Либеральные? Реакционные? Какие социальные условия предрасполагают к успеху одной группы и одной программы по сравнению с другими? Такой подход изымает из «национализма» суффикс «изм» и вновь возвращает его людям, ограниченными социальными структурами. Он также побуждает нас поинтересоваться, адекватен ли термин «национализм» такой инфляции своих смыслов и употреблений? В-третьих, помня о решающей идеологической роли нации в определении способа связи государств со своими подданными, исследователи должны прилагать согласованные усилия к тому, чтобы не попасть под влияние языка национальных идеологий — не воспринимать нации только в соответствии с их текущими определениями, например через культуру, происхождение или историю. Вместо этого мы должны превратить такие понятия в предметы своего изучения и спросить: в каком контексте работает то или иное определение или символизация нации? Что они делают? Используются ли они еще в каких-либо спорах, кроме собственно споров по национальным вопросам? Этот третий пункт можно проиллюстрировать, рассмотрев пять возможных областей исследования наций и национализма.

КАК ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ ИССЛЕДОВАТЬ НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ?

Что лежит в основе понятия идентичности?

Мы стараемся писать о национальной идентичности так, словно со второй частью этого понятия нет никаких проблем, словно у каждого должна быть некая идентичность или определенные ее виды, но не слишком много. Откуда взялось само понятие идентичности, и почему для людей так важно обладать ею? Что за особая идея личности или человеческого существа заложена в понятии идентичности и какова его историческая специфика? Какой политический, экономический, социальный и символический контекст питает его? Как идентичности конструируются в социальном смысле и как создаются обладающие ими индивиды?

Этот предмет исследования частично пересекается с понятием «собственного индивидуализма» — им обозначается появление на исторической сцене монад, называемых индивидами, определяющей чертой которых стало обладание, — данное понятие также сопрягается с вопросом о нации, поскольку под нациями подразумеваются коллективные индивиды⁵. По крайней мере еще в трудах немецкого философа и теолога Иоганна Готфрида фон Гердера нации — как и индивиды — воспринимались в качестве действующих лиц истории, обладающих собственным характером или душой, миссией, волей, духом; у них есть исток/место рождения — в национальных мифах это, как правило, колыбели — и родословная (обычно по *отцовской* линии), а также жизненные циклы, включающие рождение, периоды расцвета и увядания и боязнь смерти; в качестве своего материального референта они имеют территории, ограниченные, подобно человеческому телу. Нациям, по аналогии с индивидами, приписывают некую идентичность, часто основываемую на так называемом национальном характере. Таким образом, национальная идентичность существует на двух уровнях: на уровне индивидуального чувства национальной принадлежности и на уровне идентичности коллективного целого по отношению к подобным ему другим. Что обозначает эта особенная взаимосвязь идей? Какова социально-историческая сила понятия идентичности с его, на первый взгляд, противоречащими друг другу коренными значениями — того же самого, то есть тождественного, и уникального, — коренными значениями, которые, как и национальные идеологии, одновременно дифференцируют и сводят воедино?

Как становятся членами нации?

Каким образом развилось чувство национальной самости? Мы можем назвать это проблемой национальных субъективностей — именно во множественном числе, ибо нельзя допустить, что существует только одна форма переживания своего Я как национального. Этот вопрос напрямую связан с тем, который был поднят выше: здесь мы спрашиваем о том, как существующие между нацией и индивидом отношения гомологии интернализируются и усваиваются индивидом, проникая в его «внутреннее». Говоря так, я, разумеется, предполагаю, что понятие «внутреннего» действительно лишь в определенном социально-культурном контексте. Не во всех человеческих обществах людям приписывалось обладание особой внутренней сферой⁶.

Здесь крайне полезным оказывается различие между национализмом и принадлежностью к нации, которое проводит антрополог Джон Борман: первый он относит к осознанным чувствам, для которых нация является объектом активной привязанности, а вторую — к повседневным практикам и взаимодействиям, которые порождают глубокое и часто невыраженное ощущение принадлежности, ощущение того, что ты «дома»⁷. Эти практики и привычные действия могут включать в себя всё, начиная с относительно светских ритуалов ухаживания и создания семьи, находящихся под влиянием государства⁸, и кончая относительно редкими и зрелищными действиями, такими, как участие в военных столкновениях, которые, возможно, сыграли существенную роль в создании национальной привязанности в период раннего модерна, так что с тех пор поджигатели войн могли и далее рассчитывать на нее⁹. В основе такого исследования лежит предположение, высказанное Фуко, о формировании современных субъектов при помощи зачастую невидимых практик (Фуко называет их микрофизикой) власти. Чтобы исследовать их, надо отвлечься от шумной и показной риторики националистов и обратиться к технологиям, при помощи которых в тех, к кому апеллируют националисты, тихо и незаметно закладывалась предрасположенность к восприятию нужных идей.

Насколько различной бывает символика нации?

Что мы получаем, рассматривая нацию как символ, а не как вещь? В последних работах по антропологии интерес к национализму дал возможность восприятия национальной риторики во множественном числе, в качестве элементов более масштабной конкуренции за право определения смысла национальной символики и определения самой нации как символа. Для подоб-

ной задачи уже бессмысленно использовать термин «национализм», поскольку теперь важнее всего понять, как этот существующий в единственном числе символ — нация — получает столь многочисленные значения. Ориентирующиеся на него группы воспринимают нацию как высший символ, но при этом имеют по отношению к нему разные намерения. Много всего разного вплетается в их конфликты — противоположные идеи о подлинности, об истинном предназначении нации, о культурном достоянии или наследии, о национальном характере и так далее¹⁰. Такое исследование ставит вопрос о том, как формируются понятия нации и идентичности и как они воспроизводятся в качестве центральных элементов политической борьбы. В его рамках нация толкуется как конструкт, значение которого никогда не бывает стабильным, а всякий раз изменяется в зависимости от складывающегося баланса социальных сил, и в нем также изучается вопрос о том, какие способы достижения целей этот конструкт обеспечивает определенным группам и почему именно этим группам, а не другим.

Всерьез относиться к употреблению нации в качестве символа — это значит пристально изучать социальные битвы и трения, в рамках которых она становится значимой идиомой, то есть своего рода валютой, используемой в торговле позициями, которые могут не иметь никакого отношения к нации. Например, в постсоциалистической Восточной Европе широко распространяются стереотипы и огульные обвинения в адрес цыган, которых считают лентяями и ворами. Если взглянуть на эти стереотипы с точки зрения этнографии, то станет ясным, что цыгане используются как символ деморализующего вторжения рынка на территории бывшего социалистического блока. Торговлей заняты не только цыгане — но люди приписывают им ответственность за все, что при новом, постсоциалистическом порядке, кажется им возмутительным и вызывающим расстройство. Такого рода подход позволяет объяснить, почему продолжают существовать групповые категориальные рамки даже в отсутствие самой этой группы, как, например, антисемитизм во многих восточноевропейских странах, где евреев можно найти с трудом¹¹.

Кроме того, национальная символизация предполагает такие процессы, в ходе которых группы выделяются или, наоборот, становятся незаметными в обществе. Проект создания нации предусматривает, что несогласные элементы сначала должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться ассимиляции или устранению. Кое-что из этого может произойти и в прямом физическом смысле, посредством насилия, свежим примером чего могут служить «этнические чистки» в Боснии-Герцеговине. Но эти вещи редко сопутствуют иным, символическим видам насилия, благодаря которым

различие сначала делается выпуклым, а затем стирается. Представления о чистоте и испорченности, о крови как носителе культуры или, наоборот, скверны являются фундаментальными для проектов национального строительства. Они заслуживают больше внимания, чем ученые оказывали им до сих пор.

Как мы можем понять пересечение нации с другими социальными операторами?

Этническую принадлежность, расу, гендер и класс, наряду с нацией, можно рассматривать как аспекты формирования идентичности, но они также одновременно являются осями социальной классификации, которые часто идут рука об руку, взаимодействуя сложными способами. В блестящей обзорной статье антрополог Брэккет Уильямс обсуждает вопрос о том, как проекты и меры государственного строительства определяют множество таких разнообразных осей в процессе гомогенизации, на основе которого складывается форма правления современным национальным государством¹². Она считает государство всеобъемлющей структурой, в рамках которой устанавливаются и ниспровергаются символические условности, идет борьба за легитимность, закрепляются групповые отношения и связанный с ними порядок распределения. Государство — это рамки, в которых становятся различимыми и получают свое место понятия, обнаружившие политическую эффективность, — такие, как культура, подлинность, традиция, общее/разделяемое или варварское. Как она пишет, «понятия расы, этничности, локальности и национальности конкурируют между собой за то, чтобы служить ярлыками для различных аспектов процесса [формирования идентичности]»; их контекст — это государство, которое мотивирует различия, а также устанавливает границы, отделяющие внутреннее от внешнего, одно Я от другого¹³.

Следуя Уильямс, мы должны расценивать современное государство как продукт процесса тотализации, который подразумевает неумолимое стремление к однородности, в то же самое время являющееся процессом исключения. Такая однородность не всегда преследуется как самоцель; она может служить разным задачам, таким, как создание общих основ квалификации рабочей силы или создание пространства, подлежащего государственному управлению¹⁴. В последнем случае этот упор на однородность ведет к формированию нации как совокупности всего, чем должно руководить государство, поскольку у всех ее элементов предположительно есть что-то общее. Государствам свойственна различная интенсивность гомогенизирующих усилий, которые в известной степени производны от того, какой властью обла-

дают политические элиты и с каким сопротивлением они сталкиваются. Возможно, этой закономерностью объясняется то, почему определенные государства, особенно в третьем мире, стремятся к менее радикальной гомогенизации, чем другие¹⁵.

Как бы то ни было, институциональное закрепление представления об общности предполагает, что на виду сразу оказываются те, кому не посчастливилось иметь такие общие со всеми черты. Поэтому, фиксируя однородность либо общность в своих институтах как норматив, государственное строительство в то же время обуславливает социально-политическую важность различий — иными словами, в его рамках придается значение различиям таких показателей, как этничность, гендер, место жительства и раса, и каждый из них определяется как особый отличительный признак, существенный для государственного проекта гомогенизации. Таким образом, самым обширным из насущных вопросов для изучения национализма является анализ исторических процессов, результатом которых стала особая политическая форма — нации-государства, — по-разному сложившаяся в разных контекстах, а также исследование внутренней гомогенизации, которой эти нации-государства в своих различных контекстах стремились достичь. В каждом случае они добивались однородности в пределах локально варьируемых трактовок схожего и различного, заложенных в таких чертах, как класс, гендер, этничность и раса, впрочем, и это у них в разных местах происходило по-разному.

Как распад национального государства отражается на жизнеспособности и использовании нации как легитимирующего символа в политике?

В сегодняшнем мире участие легитимируется идеей нации или национального государства, даже если его классическая форма лишь несовершенно воплощается в данном эмпирическом случае. Хотя ученые, и не только они, сегодня стали подозревать, что современная форма государства если не отрицает, то переживает серьезное изменение собственной конфигурации¹⁶. Международная торговля оружием превратила в посмешище предполагаемую монополию государства на средства насилия. Небывалая подвижность капитала выражается в том, что он перемещается из областей с высокими налогами в области с низкими, многие государства лишаются части своих доходов и промышленной базы, а это ограничивает их способность к привлечению капитала или к формированию его потоков. Утечка капитала заставляет сегодня быть начеку любые национально-государственные правитель-

ства¹⁷. Возросший поток капитала и идущее вслед за ним перемещение масс населения, создавая пресловутый феномен транснационализма, совершенно беспрецедентным образом ставят под сомнение все эти произвольные, до сих пор принимавшиеся как данность, границы национальных государств¹⁸. В результате меняются и границы реального мира — взять, к примеру, развал Советского Союза, Чехословакии и Югославии, не говоря уже об угрозе отделения Квебека от Канады, Кельтского края от Великобритании и так далее, — а также безумие национальной релегитимации, причем не только там, где возникает вопрос о границах, но и в других местах¹⁹. В этом свете беспорядки в бывшей Югославии лишь более отчетливо указывают на то, что означает создание национального государства с использованием всех самых насильственных форм гомогенизации и очищения, а также установления и легитимации границ при помощи силы.

Как ни парадоксально, но все это происходит в момент, когда сама форма национального государства вытесняется с исторической сцены. Если, как утверждает географ и социальный теоретик Дэвид Харви²⁰, главную координирующую функцию в новом мировом порядке будет выполнять главным образом финансовый капитал, а не нации-государства со своими границами, то какие последствия это будет иметь для легитимирующего значения нации как символа в международной политике? Может быть, нация тоже держит курс на выход из игры, как утверждает Эрик Хобсбаум²¹?

У меня есть на этот счет некоторые сомнения. По-моему, больше похоже на то, что у нации снова меняются референтные группы (равно как и ее связь с капиталом), и знаком этих перемен служат те новые основания, на которых сейчас предлагается ее выделять, — примером здесь могут служить арабская нация или нация гомосексуалистов. Понижаются требования к размерам, необходимым нации для выживания. Вдобавок индивиды принуждаются к тому, чтобы идентифицировать себя с чем-то единственным — тем, кто мог бы иметь много таких привязанностей, во всех альтернативных вариантах отказывается (здесь, к примеру, уместно вспомнить потомков смешанных браков в бывшей Югославии), — в то время как в атмосфере ксенофобии и мультикультурализма эти идентичности превращаются в норму в качестве базовых элементов социально-экономической конкуренции и конфликтов. Отсюда следует, что, хотя известное нам понятие нации, возможно, и впрямь уже миновало пик своей актуальности, быть рожденным, как естественное состояние, по-прежнему будет иметь фундаментальное значение для человеческого опыта и научных исследований, хотя бы и в новых формах.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Благодарю Памелу Болингер, Киру Косник и Мишель-Рольф Труийо за правку этого очерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Eric Hobsbawm*. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990. P. 16—24.
2. Ibid. P. 16.
3. Ibid. P. 18—20.
4. Такая форма отношений государства с подданным в случае с Румынией связана с «социалистической нацией». Вместо акцента на политических правах или этнокультурном подобии, социалистический патернализм постулировал моральные узы, связывающие подданных с государством, — это их права на долю в перераспределенном общественном продукте. Предполагалось, что подданные не являются ни политически активными гражданами, ни схожими между собой в этническом смысле: от них требовалось, подобно малым детям в семье, быть благодарными потребителями благ, которые выбирали для них правители. У подданного это скорее рождало чувство зависимости, чем участия, которое культивируется в гражданском обществе, или солидарности, возможной при этническом национализме.
5. См.: *C. B. Macpherson*. The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford, 1962; *Louis Dumont*. Religion, Politics, and Society in the Individualistic Universe // *Proceeding of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1970, L. P. 31—45; и *Richard Handler*. Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. Madison, Wis., 1988.
6. Понятие «внутреннего» в том числе исторически связано с возникновением понятия о личности; признание этого внутреннего мира стало возможным благодаря психологическим исследованиям Фрейда и всех других, кто ввел понятие бессознательного. См.: *Hannah Arendt*. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1958.
7. *John Borneman*. Belonging to the Two Berlins: Kin, State, Nation. Cambridge, 1992. P. 339, n. 19.
8. Этому уделено основное внимание в той же работе.
9. Этот вопрос, в частности, поднимает Чарльз Тилли. См. статьи в: *Charles Tilly*. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.
10. См., например: *Virginia Dominguez*. People as Subject, People as Object. Madison, Wis., 1990; *Handler*. Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. Madison, Wis., 1988; *Katherine Verdery*. National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania. Berkeley; Los Angeles, 1991; и *Brackette F. Williams*. Stains on My Name, War in My Veins: Guyana and the Politics of Cultural Struggle. Durham, NC, 1991.
11. Более подробно об этом см.: *Katherine Verdery*. Nationalism and National Sentiment in Post Socialist Romania // *Slavic Review*. 1993, 52 (summer).
12. См. *Brackette F. Williams*. A Class Act: Anthropology and the race to Nation Across Ethnic Terrain // *Annual Review of Anthropology*. 18, 1989. P. 401—444.
13. Ibid. P. 426. Также см.: *David Campbell*. Writing Security: United States Foreign Policy and The Politics of Identity. Minneapolis, 1992. P. 8.
14. Ср.: *Ernest Gellner*. Nations and Nationalism, Ithaca, 1983.
15. Этот вопрос возник в диалоге с Мишель-Рольф Труийо.
16. См. прогнозы Хобсбаума в конце «Nations and Nationalism since 1780», а также любые

работы Чарльза Тилли, такие как *Prisoners of the State* // *International Social Science Journal*. Vol. 44, 1992. P. 329—342, и *Coercion, Capital, and European States*, A. D. 990—1990. Oxford, 1990.

17. *David Harvey*, *The Condition of Postmodernity: An Inquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford 1989. P. 164.

18. Логичней было бы называть это «транс-государственностью».

19. *Kira Kosnick*. Boundaries and the Production of National Identity. Manuscript, authors files.

20. *Harvey*. *The Condition of Postmodernity*. P. 164—165.

21. *Hobsbawm*. Nations and Nationalism since 1780. P. 181—183.